

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК 1.16.165.1

DOI 10.17223/1998863X/30/1

М.В. Гончаренко, В.Н. Гончаренко

ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО КАРКАСА ФЕНОМЕНОМ ТРАНСЦЕНДЕНТНОСТИ ФАКТА

В рамках данной статьи рассмотрение факта основано на том, что факт является результатом взаимодействия субъекта познания с объектом и обладает структурой, которая определяется как существующими теориями, так и особенностями познаваемого объекта, во многом по-новому конструирующими концептуальные схемы. Трансцендентная природа факта, как и его восприятия, определена двумя аспектами: онтологическим и эпистемологическим.

Ключевые слова: факт, концептуальный каркас, трансценденции, языковая игра, субъект познания.

Рассмотрение факта в данном контексте определено тем, что факт является результатом взаимодействия субъекта познания с объектом и обладает структурой, определённой и существующими теориями, и особенностями познаваемого объекта, во многом по-новому конструирующими концептуальные схемы [1].

Понятие *трансцендентности факта* разработано на основании феноменологической теории значения и принципов аналитической философии. Теоретической основой понятия трансцендентности факта является концепция феноменологической теории значения, разработанная Э. Гуссерлем в «Логических исследованиях». При экспликации тезиса о трансцендентности факта мы будем опираться на предложенную Э. Гуссерлем трактовку понятий объективного пространства, объективного времени и объективного мира как трансценденций. Что делает возможным вывод о том, что проблема корреляции мира трансценденций и мира феноменологически актуального – это проблема исключительно онто-гносеологического характера.

Итак, трансцендентная природа факта, как и его восприятия, определена двумя аспектами: онтологическим и эпистемологическим. Во-первых, всегда, явно или неявно, существует указание (*по типу отношений: часть – целое*) на бесконечный поток вариантов некоторого факта, периодически актуализирующихся и имеющих определенную «первопричину». Во-вторых, любая модель факта – это явление, существующее не изолированно само по себе, а исключительно как отдельно взятое звено цепи и т.д. Таким образом, именно синкретический акт, который актуализирует для Я реальность конкретного положения дел (факта) имеет трансцендентную природу. Синкретическая природа акта конституирования обусловлена и тем, что актуальные ощущения, как и актуальное рефлексирование, возможны только в случае предшествовавшего целостного опыта Я. Действительно, принципы стереометрии стали известны в XIX веке, но разве во времена Евклида были какие-

то реальные противопоставления использовать стереометрические принципы описания пространства, как то: проводить более одной параллельной прямой через точку на плоскости, не лежащую на этой прямой, и т.д. Очевидно, фактор трансцендентности, конституирующий модель мира/факта в парадигме планиметрии, актуализировал понятие плоскости, а не понятие пространства.

Если следовать утверждению Э. Гуссерля «Я аподиктически предочерчено для самого себя как конкретное, наполненное индивидуальным содержанием, включающее определенные переживания [...]; предочерчено в горизонте как предмет, доступный возможному опыту самопознания [...]» [2], то трансцендентальный опыт, следовательно, предопределён, но не его, так как последнее есть «некая универсальная аподиктическая структура опыта Я» [2]. Поэтому «объективировавшийся» субъект познания – это, скорее всего, репрезентация уже существующей, т.е. не созданной заново структуры. И трансцендентальный опыт (опыт трансцендентально обусловленный) является единственно доступным для нас опытом, «обогащение» которого в бесконечности, очевидно, тоже предопределено «структурой опыта Я», по Э. Гуссерлю. Причем данный опыт весьма разнообразен, так как не может быть задан исключительно опытно-экспериментальными критериями. Поэтому трансцендентность мира (для нас) является следствием трансцендентальности его: «... объективный мир как интенциональный феномен ...» [2].

Следуя логике обоснования тезиса о трансцендентности факта, имеет смысл перейти к рассмотрению феномена трансцендентальности языковой игры, так как языковая игра, невзирая на то, что это элемент деятельности, – это и форма, структурирующая факт.

В связи с этим имеет значение следующее утверждение К.-О. Апеля: «Для отдельного человека должно быть возможно вводить новые правила, которые, не исключено, *фактически* не подлежат проверке в существующем коммуникативном сообществе на основании «парадигмы» существующей языковой игры [...]. Таков случай всех *непонятных* первооткрывателей и научных изобретателей новых методических начинаний ...» [3. С. 253]. Но всё «непонятное» с точки зрения истории коммуникативного сообщества тем не менее одновременно и появляется из той же (*исторической*) области¹. Поэтому вопрос о возможности введения новых правил субъектом познания напрямую связан с тем, что К.-О. Апель определяет как компетенцию, которая обуславливает осуществление рефлексии «над собственным языком или формой жизни и для осуществления коммуникации со всеми другими языковыми играми» [3. С. 253]. Другими словами, трансцендентальная языковая игра, выражаемая конкретной языковой игрой, делает возможным использование тех принципов, которые мы называем априорными и которые обуславливают, таким образом, формирование компетенций, необходимых для рефлексирования над уже существующей историей парадигмы, языковой игры и т.п. Если при этом мы будем учитывать, что субъект познания может быть как коллективным, так и индивидуальным, то нам необходимо уточнение: индивидуальный субъект познания,

¹ Здесь очень кстати пример И. Лакатоса относительно пролиферации научных теорий, т.е. теория появляется тогда, когда она *определённым образом* подготовлена развитием научной парадигмы (имплицитно представлена в схеме действующей/сложившейся парадигмы) и т.д.

обладая вышеуказанной компетенцией, сможет рефлексировать и, соответственно, формулировать новое знание (это касается первооткрывателей и научных изобретателей, по К.-О. Апелю), но *такое* знание может приобрести качество знания в глазах коллективного субъекта познания (коммуникативного сообщества) только при появлении у последнего соответствующей компетенции, до этого момента коллективный субъект познания (коммуникативное сообщество) лишен возможности коммуникации с *другими* языковыми играми.

Однако если данная компетенция всё-таки возникла хотя бы и у одного/единственного представителя коммуникативного сообщества, то это указывает на то, что эта компетенция сформировалась в рамках истории данного коммуникативного сообщества, т.е. без последней компетенция была бы невозможной. Из чего следует, что возможность реализации конкретной языковой игры как для одного, так и для всех членов коммуникативного сообщества определяется фактором трансцендентальности языковой игры как феномена.

Фактор трансцендентальности языковой игры представляется значимым и с точки зрения правил «возможного обозначения мира»: «Мы больше не полагаемся на кантовский тезис о сформированных до нас в синтетических суждениях априорных мировых закономерностях, а сознательно и произвольно конструируем то, что должно считаться априори возможного значения суждений: правила логической семантики» [3. С. 39]. То есть посредством бесконечной иерархизации метаязыка мы пытаемся *соотнести* истинность обозначающего (языка) и обозначаемого (мира), при этом мы полагаем, что данное *соотнесение* будет, безусловно, «истинным». Таким образом, правила соотношения элементов предопределяют *истинность* конституируемой ими схемы и т.д.

Следовательно, конвенциональность имеет отношение к вопросу о трансцендентальности языковой игры, так как (по К.-О. Апелю) актуализация конкретной конвенции является ничем иным, как реализацией *конкретной* языковой игры, обусловленной фактором своей трансцендентальности.

Ввиду взаимоопределённости трансцендентности факта и трансцендентальности языковой игры есть необходимость проанализировать в данном контексте роль и значение субъекта познания.

Итак, метафизика субъекта познания предполагает не только известную бинарную оппозицию: субъект – объект, но и скоррелирована в рамках определённого аспекта видения некоторым единством возможных отношений и следствий. Другими словами, метафизика субъекта познания предопределяет возможный алгоритм, в пределах которого происходит конституирование схемы, высказывания и т. д. Рассуждая по поводу «согласованности интерсубъективно значимой «репрезентации» объектов посредством знаков» [3. С. 183] в работах Ч. Пирса, К.-О. Апель приводит следующую цитату: «Мы находим, что любое суждение управляется условием согласованности; его элементы должны быть способными формировать единство» [3. С. 183]. Единство, о котором идёт речь у Ч. Пирса, – это, по сути, фактор, определяющий возможность/невозможность согласованности каких-то элементов. Именно этот фактор, по нашему мнению, имеющий отношение к метафизике субъекта познания, по Ч. Пирсу, напрямую связан с *сообществом*, т.е. с

идеей интерсубъективности. Дело в том, что возможность мысли в связи с фактором *сообщества* необходимо отделять от возможности мысли самой по себе по причине того, что *судьба* мысли и *бытие* мысли – не одно и то же, так как о *судьбе* мысли (как возможности/невозможности дальнейшего использования мысли) возникает вопрос только в случае её актуального бытия. Что же касается артикулированного пространства мысли, то здесь мы вынуждены констатировать следование правилу, иначе мы бы не располагали тем объектом (схемой, рассуждением и т.д.), дальнейшая *судьба* которого зависит от *сообщества*. (Культурно-историческая актуальность какой-либо теории, исходя из истории науки, скорее всего, определяется вышеуказанным феноменом замены критики познания критикой смысла). Поэтому условие согласованности, названное Ч. Пирсом как следование правилу, – это условие, фактически определяющее возможность эмерджентности системы субъект-объектных отношений. Именно данное качество позволяет утверждать, что так называемое условие согласованности является одним из принципов метафизики субъекта познания.

К эмерджентности имеет отношение и метафоризация дискурса. Но возникает вопрос, какой когнитивный механизм предопределяет такое положение дел? Хотя данный вопрос и имеет непосредственное отношение к области трансцендентного, так как, безусловно, восходит к объяснению сущего посредством редукции к другому сущему, тем не менее обратимся к следующему рассуждению К.-О. Апеля: «Основная черта того, что в Новое время [...] развивалось в качестве науки, заключается в том, что одно сущее в своём фактическом проявлении объясняется из другого сущего. Это мышление находит своё классическое выражение в причинно-аналитическом методе исследования естествознания. Его основной мотив [...] в техническом овладении природой как средством, в предварительном просчёте («знать, чтобы предвидеть». Проблема того, как я могу воспринимать «нечто как таковое», редуцируется к проблеме опознавания в неизвестном чего-то известного)» [3. С. 8]. Другими словами, метафизика субъекта познания, определившая бинарную схему субъект-объектных отношений, а *prìogì* определила и схему познания субъекта – к неизвестному посредством известного. Но проблема самого «известного» этим не снимается, так как аргументация последнего сохраняет свою неопределённость: субъект – актер, не имеющий определяющих полномочий. Познанное таким образом по существу приобретает характер субъектной редукции. Следовательно, такая субъектная самопознаваемость (данная схема познания), в конечном счёте, превращается в подобие замкнутого круга, где каждый элемент объясняется посредством другого такого же элемента до бесконечности: «[...] обнаруживается, что феноменальное бытие миром [Welt-sein] упускается, с самого начала редуцируется к чему-то иному» [3. С. 9].

Возвращаясь к проблематике концептуального каркаса, обратимся к следующему рассуждению И. Лакатоса: «Можно было бы сказать, что положительная и отрицательная эвристика дают вместе (неявное) определение “концептуального каркаса” (и, значит, языка). Поэтому, если история науки понимается как история исследовательских программ, а не теорий, в этом приобретает определённый смысл утверждение о том, что история науки есть история концептуальных каркасов или языков науки» [4. С. 181]. Если понимание

истории науки как истории исследовательских программ выглядит обоснованно (с точки зрения когнитивных процессов), то рассмотрение истории концептуальных каркасов как языков науки обоснований не имеет. В этой связи возникает вопрос, каким образом при описанном И. Лакатосом положении дел становится возможным смещение дискурса, ведь именно на основании последнего формируются новые/модифицированные концептуальные каркасы? Другими словами, как возможен новый концептуальный каркас при наличии «старого», давно сформировавшегося, языка науки. Возможно, в данном случае более корректным было бы предположение о том, что конкретный концептуальный каркас как элемент целостной системы (репрезентации) – языка, имеет, по сути, бесконечную возможность вариативного становления.

Другими словами, ни один из типов известного нам дискурса *не обладает* внеконтекстуальной реальностью, т. е. онтология дискурса, конституирующая ретенциально-протенциальный ряд, получающий выражение в предложениях, теориях и т.д., в конечном итоге «отказывает» субъекту познания в *ознакомлении* как со средствами, так и с целями, структурирующими определённым образом его же собственный ретенциально-протенциальный континуальный ряд.

Интересным с этой точки зрения является рассуждение М. Хайдеггера в отношении *упорядочивающего* принципа: «Подлинный принцип порядка имеет своё особое предметное содержание, через упорядочивание никогда не обнаружимое, но в нём уже предполагаемое. Так, для упорядочения образов мира потребна эксплицитная идея мира вообще» [5. С. 52]. Сказать, что, скорее всего, данный тезис М. Хайдеггера утверждает следующее: *не обнаружимое* конституирует *обнаружимое*, означает не сказать ничего, потому что это никак не помогает эксплицировать возможную взаимообусловленность *не обнаружимого* и *обнаружимого*. Дело в том, что смысл концептуального каркаса определяется, как минимум, каким-то конкретным аспектом *мира*, и если учитывать предложенное М. Хайдеггером «"мир" сам есть конститутив присутствия» [5. С. 52], то следует признать, что «эксплицитная идея мира» – это «термин», определяющий фактическую возможность того или иного концептуального каркаса, который, собственно, и конституирует *обнаружимое*.

Проблема факта состоит, собственно, в интерпретации факта. Процесс понимания обязательным образом связан с возможностью и необходимостью (как в случае адаптации знания, так и в случае конституирования *нового* дискурса) формирования концептов.

В аспекте рассмотрения проблемы моделирования концептуальных каркасов выявлено, что одна и та же теория, претерпевая определённые внешние изменения по отношению к её восприятию и трактовке (в силу меняющейся прагматической пресуппозиции субъекта познания), демонстрирует реальность отсутствующего (системообразующего) критерия.

Таким образом, можно констатировать следующее: трансцендентность факта позволяет структурировать концептуальные каркасы строго определённым образом, т.е. так, как это возможно и необходимо в контексте какой-либо конкретной парадигмы, актуальной для коллективного субъекта познания. Поэтому научная мысль всегда конструирует реальность по исторически актуальному способу моделирования; другими словами, структура научной мысли отличается

ся целесообразностью момента и парадигмально установленным соответствием реальности: «Научная реальность, используемая для “уничтожения” более беспорядочных элементов нашего мира, постоянно переопределяется в зависимости от изменений моды сегодняшнего дня» [6. С. 71].

Литература

1. Никифоров А.Л. Факт // Институт философии Российской академии наук. [Электронный ресурс]. URL: <http://iph.ras.ru/elib/3147.html> (дата обращения: 16.04.15)
2. Гуссерль Э. Картезианские размышления. [Электронный ресурс]. URL: <http://elenakosilova.ru/studia/Husserl.htm> (дата обращения: 16.04.15)
3. Апел К.-О. Трансформация философии. М.: Логос, 2001. 344 с.
4. Лакатос И. Методология исследовательских программ. М.: Ермак, 2003. 382 с.
5. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2011. 460 с.
6. Фейерabend П. Прощай, разум. М.: Астрель, 2010. 477 с.

Goncharenko Mark V. Tomsk Polytechnic University, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). DOI 10.17223/1998863X/30/1

Goncharenko Valentina N. The Russian presidential academy of national economy and public administration Tomsk branch Ranepa (Tomsk, Russian Federation). DOI 10.17223/1998863X/30/1

THE CONDITIONALITY OF CONCEPTUAL CARCASS BY THE PHENOMENON OF FACT TRANSCENDENCE

Keywords: fact, conceptual carcass, transcendences, language game, subject of study.

In the article the fact study is based on the theory that the fact itself is a result of interaction of a subject under study with an object and has a structure, which is considered as by the current theories so as by the peculiarities of the studied object, constructing the conceptual schemes mainly anew. The transcendental nature of the fact, as well as its perception, is determined by two aspects: ontological and epistemological. First, obviously or not, there exist a pointer (related as a part and the whole) on the endless stream of some fact variants, which are actualized from time to time and have some particular prime cause. Second, any fact model is a phenomenon, which doesn't exist by itself, but lives as a unique link of a chain and so on. Thus, the syncretic act namely, which actualizes for “me” reality of the specific situation (the fact) has transcendental nature. The syncretic nature of the institutionalization act is also determined by the fact that actual sensations as well as actual reflexing can be possible only in case of “me” previous experience. Thus, for example, it is obvious that transcendence factor constituting a world/ fact model in planimetry paradigm actualized the concept of plane, but not the concept of space. In the aspect of problem of conceptual carcasses modeling study it is revealed that one and the same theory having been changed against its perception and handling (because of the studied subject pragmatic presupposition changing) demonstrates the reality of the lack (backbone) criteria. So, the following can be stated: the transcendence of fact can structure conceptual carcasses in a particular way, like it is possible and necessary in the context of some concrete paradigm actual for a collective subject of study.

References

1. Nikiforov, A.L. *Fakt* [The Fact]. [Online] Available from: <http://iph.ras.ru/elib/3147.html>. (Accessed: 16th April 2015).
2. Husserl, E. *Kartezijskie razmyshleniya* [Cartesian Meditations]. [Online] Available from: <http://elenakosilova.ru/studia/Husserl.htm>. (Accessed: 16th April 2015).
3. Apel, K.-O. (2001) *Transformatsiya filosofii* [The transformation of philosophy]. Translated from German by V. Kurennoy, B. Skuratov. Moscow: Logos.
4. Lakatos, I. (2003) *Metodologiya issledovatel'skikh program* [Methodology of research programs]. Translated from English by V.N. Parus. Moscow: Ermak.
5. Heidegger, M. (2011) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German. Moscow: Akademicheskiiy projekt.
6. Feyerabend, P. (2010) *Proshchay, razum* [Farewell Mind]. Translated from English by A.L. Nikiforov. Moscow: Astrel'.